УДК 81`367; 81`37; 81`38

DOI10.17516/2311-3499-077

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СФЕРА ОБЩЕНИЯ: НА ГРАНИЦЕ ДВУХ КАРТИН МИРА

И.Е. Ким, Д.В. Ильина

В статье описаны характеристики научно-популярной сферы общения: цель и содержание общения, коммуникативные среды автора и адресата, функционирующие картины мира, условия общения; проведено сопоставление со смежными сферами. Показано, что производность научно-популярной сферы общения от научной сферы и помещение содержания последней в непрофессиональную среду читателя обуславливают наличие в научно-популярной коммуникации двух интеллектуальных позиций относительно предмета текста – «научной», исходящей из научного познания, и «наивной», исходящей из поверхностных знаний и «здравого смысла». Задача автора заключается в реконструкции «наивной» точки зрения адресата, ее опровержении и убеждении читателя в правильности «научной» позиции. Эти действия автора находят свое наиболее полное выражение в конструкции, в которой противопоставлены два семантических комплекса. Каждый из них включает указание на источник информации, предикат со значением «чувства-мысли-речи» и тезис. Первый (левый) комплекс относится к «наивным» представлениям адресата, второй (правый) – к научным представлениям автора. Языковое выражение элементов этой конструкции может представлять собой отдельные фрагменты текста, а может быть нулевым, что обеспечивается стандартными значениями квалификативных категорий модуса предложения – авторизации и персуазивности.

Ключевые слова и фразы: научно-популярный стиль; сферы общения; научная картина мира; наивная картина мира; авторизация; персуазивность; коммуникативные среды; модус.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760)

POPULAR SCIENCE SPHERE OF COMMUNICATION: ON THE BORDER OF TWO WORLDVIEWS

I.E. Kim, D.V. Ilina

The article describes characteristics of popular science sphere of communication: aim and content of communication, communicative environment of the author and the reader, worldviews, circumstances of the communication. Comparison with adjacent spheres of communication is made. It is demonstrated that the content of the popular science sphere is derived from science sphere and placed into the reader's non-professional environment; and all that determines existence of two views on the subject matter of the text. The first view is based on scientific knowledge, the second sight – on common sense. The author's aim is to reconstruct the "naïve" worldview of the reader, to dispose it and to convince the addressee that the scientific view is real-life. The more complete expression of these actions of the author is a framework which sets two semantic structures. Each of them consists of reference to the channel of information, predicate of "feeling-thinking-speaking", and thesis. The first (left-hand) structure belongs to the reader's "naïve" worldview, the second (right-hand) – to the author's scientific sight. Language expression of the elements of this construction can be text fragments or zero. The latter is available due to standard meanings of qualificative categories of the modality of sentence – authorization and epistemic modality.

Keywords and phrases: popular science sphere of communication; scientific worldview; naïve worldview; authorization; epistemic modality.

Лингвистическое изучение научно-популярных текстов в своей основе отталкивается от функционально-стилистического подхода. В рамках этого подхода «язык» научно-популярных текстов, как правило, оценивается как производный от научного функционального стиля, см., например, работы [Будагов 1967; Одинцов 1980; Сенкевич 1984; Кожина 2008; Чернявская 2006; Воронцова 2014]. (В ряде функционально-стилистических классификаций научно-популярную речь относят к отдельному функциональному стилю ([Гвоздев 1965; Сердобинцев 1976; Маевский 1979; Лазаревич 1984])).

Научный стиль при таком подходе является точкой отсчета, система его языковых и стилистических средств берется за образец, а свойства научно-популярного подстиля описываются как отклонения, обусловленные его неэталонностью, периферийностью.

Традиционно в поле зрения лингвистов попадают используемые в научно-популярном стиле (подстиле) языковые средства: замена или разъяснение терминологии, конкретная иллюстративность, средства образности и эмоциональности [Гвоздев 1965], широкое использование метафор как объяснительного и образного средства [Позднякова 1995; Уткина 2006] и пр.

Другой способ описания затрагивает набор текстовых характеристик. Он реализуется в стилистике текста, объект которой – композиция, включающая как структуру текста, так и конструктивные приемы. Связь с научным стилем проявляется во многих аспектах. Так, в функциональной стилистике изучается влияние контекста, в том числе социального, на функцию языковой единицы. Состав и соотношение функций научно-популярного текста – информативной и воздействующей – определяется в работах по-разному: есть работы, учитывающие только языковую способность адресата, а есть работы, учитывающие и его собственные цели, интересы и воздействие на него текста. Исходя из этих целей, выделяются требования к научно-популярному тексту: функцию сообщения должна обеспечивать доступность, простота изложения, а функцию воздействия – убедительность (логическая) и суггестивность (нелогическая убедительность).

В рамках стилистики текста В.В. Одинцов выделяет «два основных композиционно-стилистических типа изложения, типа подачи содержания: с одной стороны, научно-деловой, информационно-логический, с другой – беллетризованный, экспрессивный. Логическое содержание состоит в понятии – предмете текста, которое может разворачиваться четырьмя способами: в определении, умозаключении (в формально-логическом смысле, т.е. в силлогизме), характеристике и сообщении. Каждый из этих четырех видов развертывания понятия («логических единств», ««этапов» развития мысли») описывает его существенные признаки (статические и динамические) и может усложняться включением несущественных признаков, помогающих добиться понятности и интереса адресата, т.е. выполнения «дополнительных стилистических задач». В результате таких «психологических» трансформаций каждый из этих видов получает свою «пару»: определение – объяснение, умозаключение – рассуждение, характеристика – описание, сообщение – повествование. Описывая сферы применения этих единств, В.В. Одинцов, в частности, указывает на применимость первых компонентов пар скорее в научных текстах, а вторых – в научно-популярных. Для обоснования трансформаций В.В. Одинцов вводит понятие «нулевого уровня», «нормы изложения», которая предполагает отражение «реальной (соответствующей протеканию процесса в действительности) или логической (отражающую сущность) группировки понятий, предметов». Для научно-популярного текста «нулевым уровнем» является научный.

Различные виды трансформаций меняют этот порядок, создавая различные психологические эффекты и переводя информационно-логический тип изложения в экспрессивный: например, конкретизация (иллюстрирование примерами или «дополнительное разделение понятия или тезиса»), трансмутация (нарушение логики естественного понятия вещей или замена дедукции индукцией) и т. д. [Одинцов 1980: 146–151].

В рамках еще одного подхода – дискурсивного – Т.А. Воронцова отмечает в современном научно-популярном дискурсе нетипичное, с нашей точки зрения, для научного дискурса

стремление исследователя к постоянному удержанию внимания адресата, тенденцию к демократизации, что выражается в «гибридизации» жанра научной статьи (включению в него элементов других жанров), в приближении к стилю устного неформального дискурса, стремлении к экспликации получения читателем научного знания и т.п. [Воронцова 2014].

Зависимый, несамостоятельный характер научно-популярного «подстиля» должен иметь простую причину в условиях научно-популярной коммуникации.

В настоящей статье научно-популярная разновидность русского языка описывается через социолингвистическое понятие сферы общения, позволяющее обнаружить коммуникативный контекст научно-популярной статьи или другого произведения, а также через использование представления о картине мира как совокупности базовых представлений о действительности, сформированное в рамках относительно ограниченного социума. Понятие картины мира позволит нам сформулировать основную проблему научно-популярной коммуникации, порождающую коммуникативные цели автора и препятствующую их реализации.

Сфера общения понимается нами как коммуникативные условия, формируемые совместной деятельностью социального коллектива. В соответствии со специализацией аспектов жизни общества некоторые ее области также приобретают специфичность и поэтому предъявляют особые требования к участникам деятельности и к обеспечивающей деятельности коммуникации, что в конечном счете приводит и к специализации языка [Аврутин 1975]. Научная деятельность с ее задачами познания и точного описания мира предъявляет к языку научной сферы общения в его эталонном виде требование недвусмысленности и точности формулировок, построенной системы логической аргументации и т.п.

Сферы общения как форма типизации коммуникативных ситуаций порождают типизированные формы речи – речевые жанры. Система речевых жанров в пределах каждой сферы общения обусловлена содержанием обслуживаемой деятельности, коммуникативными и социальными целями участников общения, сформировавшимися за время устойчивого существования сферы традициями и инновациями. В научно-популярной сфере в зависимости от условий общения (например, устной, печатной или электронной фактуры речи) это может быть статья, книга, лекция, пост в блоге или презентация как инициативный жанр, но может быть и реактивный жанр комментария под статьей, выложенной на онлайн-ресурсе, или вопроса из зала во время научно-популярной лекции.

В данной работе в качестве типа источника и в некоторых аспектах единицы материала выступает жанр научно-популярной статьи как самый распространенный и наименее специализированный жанр, не имеющий ограничений на тематику и требований к структуре, объему и тональности изложения.

Сферу общения мы описываем через систему сущностных свойств: (1) цель и содержание общения, (2) социальные характеристики автора и адресата (эталонные коммуникативные среды, наиболее приспособленные к общению в данной сфере), (3) картина или картины мира, функционирующие в данной сфере, (4) типичные условия общения (контактность / дистантность, наиболее распространенная фактура речи, индивидуальность / публичность / массовость адресата и т.п.). Эта схема описания предложена одним из авторов настоящей статьи ([Ким 2011; см. также Ким, Силантьев 2017]), рассматривающим социальные характеристики автора и адресата не только как самостоятельный экстралингвистический фактор выбора языковых средств (среду общения), но и как одну из характеристик сферы общения. Коммуникативные отношения между автором и адресатом и – шире – средами общения, к которым они принадлежат, позволяют выделить два типа общения в пределах одной сферы: равноправное и асимметричное. К первому типу относится общение, в рамках которого тематическое содержание и принципы общения освоены коммуникантами приблизительно в равной степени. В асимметричном общении один из коммуникантов предъявляет другому такое содержание, которое, как правило, не является предметом обсуждения в тех сферах общения, в которых последний активно функционирует. Поэтому в пределах всякой сферы общения можно выделить очевидный центр, в котором

сосредоточено равноправное, хотя и не всегда симметричное общение, и пограничные зоны, в которых общение принципиально неравноправно, поскольку коммуниканты обладают разной профессиональной, коммуникативной и языковой компетенцией. Часто такая периферия оформляется в самостоятельную сферу или «подсферу» (с учетом наличия базовой сферы, где центр организуется равноправным общением). К таким «асимметричным» сферам или подсферам относятся научно-популярная, политико-публицистическая, образовательная сфера. Тематическое содержание таких сфер «по умолчанию» принадлежит базовым сферам с выделенной эталонной средой общения (например, производственной, научной) и поэтому, попадая в «пограничную» сферу, требует процедур отбора, переструктуризации и «перевода», чтобы быть вписанным в картину мира адресата.

Рассмотрим параметры научно-популярной сферы общения.

Тематически научно-популярная сфера общения производна от научной. Однако границы объекта изложения в конкретном тексте часто не совпадают с границами того же самого объекта в тексте научной сферы. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, в то время как научная сфера занимается производством новых знаний для расширения картины мира и их дальнейшего применения, в научно-популярной сфере автор должен изменить фрагмент картины мира адресата: дилетантское, непрофессиональное представление адресата должно стать более научным. Во-вторых, не все научные объекты интересны широкому читателю, и в круг научно-популярных тем обычно попадают либо результаты новейших исследований, либо вопросы, актуальные для рядового человека, либо вопросы, которые читатель не задавал до чтения текста, но которые могут быть ему интересны.

Одно из важных различий научной и обыденной картин мира описано Б.В. Касевичем в работе «Буддизм. Картина мира. Язык», в которой он противопоставил наивную и научную картину мира. Главная пара признаков, присущих этим картинам мира, – стремление к полноте и к целостности знаний о мире. Полнота знаний – это доминанта научной картины мира, которая никогда не будет достигнута, и в приближении к этой цели целостность постоянно разрушается. А для наивной картины мира целостность (пусть даже мнимая) – это необходимое условие, как пишет Б.В. Касевич, для приспособления к миру и для принятия жизненно важных решений. Она может быть и разорванной, и внутренне противоречивой, но должна восприниматься целостной, иначе она теряет свою адаптивную функцию [Касевич 2004: 78].

Мнимое ощущение целостности наивной картины мира достигается еще одним параметром, различающим эти два типа представлений: если в научной картине знания сформулированы в явной форме, то в наивной – опосредованно, частично без осознания носителями языка [Занегина. URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2914>].

Противопоставление научной и наивной картин мира представляется нам ключевым для описания научно-популярной сферы общения: с ним связаны, во-первых, цель и содержание общения; во-вторых, проблемы, с которыми сталкиваются коммуниканты. В ситуации, когда автор является специалистом (носителем научной картины мира), имеют место сущностно разные представления коммуникантов о научном объекте; если же автор – журналист (носитель в большей степени наивной картины мира), степень его (а значит, и ведомого им адресата) понимания научного знания будет отличаться от эталонного научного понимания.

Здесь необходимо сделать ряд оговорок относительно характера картин мира автора и адресата научно-популярного текста. Во-первых, говоря о научной и наивной картине мира применительно к тексту научно-популярной статьи, мы имеем в виду фрагмент картины мира, связанный с объектом изложения. Во-вторых, в чистом виде говорить о научном или наивном характере картины мира применительно к участникам коммуникативной ситуации не всегда возможно, даже если речь идет о небольшом фрагменте картины мира. По замечанию А.А. Черноброва, исследовавшего медицинские научно-популярные тексты, в социуме «возникает средний тип дискурса, полунаучный-полудилетантский» и картина мира скорее «научно-популярная или даже “поп-культурная”» [Чернобров 2012: 234]. Применительно к автору и

адресату лингвистической научно-популярной статьи можно говорить о научном характере картины мира автора-специалиста. Картина мира автора-журналиста и адресата такого текста варьирует от наивных до близких к научным. Типология этих коммуникантов представлена ниже в описании их социальных характеристик и коммуникативных позиций в тексте.

Сверхзадача автора научно-популярного текста – поставить под сомнение целостность и/или непротиворечивость представления адресата о фрагменте реальности и предложить альтернативное, научное представление.

Такая постановка задачи автора влияет и на тематику текстов научно-популярной сферы общения: последние могут иметь объект, как аналогичный объектам научных текстов, так и не аналогичный: например, подобный объекту учебных текстов (как устроен фрагмент мира и как применять это знание в жизни), информационных текстов (репортаж о научном событии), могут быть специфические для научно-популярной литературы объекты (например, впечатления ученых о научном факте или новом методе исследования).

При описании сред общения, к которым принадлежат автор и адресат научно-популярного текста, важны следующие характеристики: отношение к предмету текста (профессиональное, дилетантское), привычная сфера общения, профессиональное / непрофессиональное отношение к коммуникативной ситуации.

Автором научно-популярного текста может быть ученый и журналист. **Автор-ученый** в большей или меньшей степени связан с предметом научно-популярного текста профессионально. Он может описывать процедуры собственных исследований: *Приведу примеры проблем, возникающих при работе над словарем бытовой лексики, которым я занимаюсь со своими коллегами и учениками* (Иомдин 2014); близкую ему область исследования в целом: *Гипотеза Сетира-Уорфа провисает в своей второй части. Мы не очень понимаем, что такое мышление и сознание и что значит «влиять на них»* (Бурас, Кронгауз. URL: <https://clck.ru/K95dK>); рассуждать о проблемах чужого исследования: *Единственно, не очень понятно, насколько современный человек — со своими знаниями, умениями и когнитивными привычками — может служить адекватной моделью человека другого вида, например, Ното habilis, изготовителя олдувайских орудий, но, с другой стороны, других людей у нас сейчас на планете нет* (Бурлак 2015); рассказывать о научных методах и инструментах: *Например, можно задать такой подкорпус: поэтические тексты с автором — женщиной до 1950 года рождения. Искать по массиву текстов можно определенную словоформу или сочетание слов* (Левонтина 2014) и т. п.

Привычной сферой для обсуждения научных тем для автора-ученого является научная сфера. Авторам, при обсуждении научных тем обычно имеющим дело с адресатами-коллегами, приходится осваивать непривычные для них жанры научно-популярной сферы. Они сталкиваются с рядом проблем: адресат не обладает ни достаточными знаниями, ни языком, для того чтобы автор мог разговаривать в привычной для него манере. Автору нужно включить научное знание в наивную картину мира адресата на языке, не присущем ни научной, ни бытовой сфере, по которому нет учебных пособий и специальных академических курсов. При этом автор еще должен учитывать, что, в отличие от адресата-ученого, адресат-неспециалист профессионально не мотивирован совершать усилия для понимания.

Для **автора-журналиста** привычной и профессиональной сферой общения является общественно-публицистическая сфера. Соответственно, он владеет правилами общения в этой сфере и жанровыми правилами научно-популярной сферы; при этом он имеет близкое к реальности представление об адресате и его коммуникативных намерениях. Так, в исследуемых текстах жанровая структура «Топ-10» (необычных языков, звуков и т. п.) встречается только в авторстве журналистов: это дискретное и конкретное знание не дает общего представления о тех или иных свойствах языка (т.е. не ценно для автора-специалиста) и тем не менее содержит научную информацию и интересно читателю, поэтому широко используется журналистами (Например: Кулапов Н. Самые необычные звуки в языках мира // National Geographic. 26.03.2016. URL: <https://clck.ru/KiPDE> (дата обращения: 19.01.2017); 10 попыток создать идеальный

универсальный язык // Популярная механика. 23.11.2016. URL: <https://clck.ru/KiPFg> (дата обращения: 19.01.2017); Майборода Н. Семь необычных европейских языков // National Geographic. 26.09.2013. URL: <https://clck.ru/KiPJh> (дата обращения: 19.01.2017)).

Степень владения научным содержанием у автора-журналиста может варьировать.

1) Он может быть специалистом в данной области знания, не будучи ученым, – иметь соответствующее образование. Это значит, что он имеет общее научное представление о предмете и минимальный исследовательский (учебно-исследовательский) опыт. При подготовке материала для статьи он может корректно освоить (доосвоить) научное содержание и передать его без существенных искажений.

2) Автор-журналист может не быть специалистом в данной области знаний, но он будет стараться освоить материал, подвергаясь риску получить и затем передать читателю искаженные представления о предмете (например, Е. Вешняковская [Вешняковская 2014]).

3) Автор может выступать как посредник, проводник научного знания, цитируя или пересказывая тексты ученых. Такая подача материала реализуется в форме пересказа с цитатами или интервью (например, К. Болохова [Болохова 2016]).

С появлением сетевой электронной коммуникации с возможностью размещения контента пользователем появился еще один, периферийный тип автора – автор-любитель, профессионально не относящийся ни к научной, ни к журналистской среде. Он может иметь частично научные, но неполные и/или искаженные представления о предмете и не владеть нормами публицистики. Примером текстов такого рода авторства являются статьи, размещенные на сайте «Земля. Хроники жизни», не имеющего статус научно-популярного СМИ, но входившего в топ-10 научно-популярных сайтов, по рейтингу Рамблер 2014 г. Примером искажения научных представлений может служить статья «Русский язык и санскрит два самых похожих языка в мире» [Русский язык ... 2014]. На основании научных сведений о принадлежности русского языка и санскрита к одной языковой семье и о фонетическом сходстве отдельных лексем автор делает неожиданный вывод: *Древний санскрит (классический санскрит, бережно хранимый грамматистами Индии) – это Древнерусский язык*. Невладение нормами жанра научно-популярной статьи продемонстрировано в статье «Каждые 15 дней в мире погибает язык» [Каждые 15 дней в мире ... 2013]: необоснованное употребление местоимения 1 л. ед. ч. (более уместное от лица автора-специалиста), неоправданное изменение предмета разговора (угроза разнообразию биологических видов – резкий переход (*Причем жили и развивались в этой среде не только мы сами, но и наши слова, языки*) – угроза разнообразию языков).

Аудитория научно-популярного текста массовая, т.е. неоднородная по составу и принципиально открытая. Однако можно выделить несколько групп адресатов по характеру картины мира и заинтересованности в изменении своих представлений:

1) «случайный читатель», человек с невысоким уровнем образования (наивной картиной мира в большинстве областей знаний), читающий текст в развлекательных целях;

2) традиционный адресат научно-популярной статьи – человек с образованием, но не по профилю текста (наивный характер фрагмента картины мира, связанного с предметом текста, при наличии фрагмента научной картины мира в другой области), ищущий новых знаний и готовый в большей или меньшей степени менять свои представления;

3) «читатель-полуспециалист», человек с образованием в смежной области (фрагмент картины мира, связанный с предметом текста, полунаучный-полунаивный либо научный, но без детализированный), читающий научно-популярный текст для расширения профессионального кругозора;

4) читатель – специалист в области, которой посвящен текст (научная картина мира), либо занимающий экспертную по отношению к научно-популярной сфере позицию, либо, как и предыдущий адресат, расширяющий свой профессиональный кругозор.

Традиционно (до появления сетевых электронных ресурсов) целевой аудиторией научно-популярных текстов выступали второй и третий тип читателя. Четвертый тип был и остается на

периферии. С появлением сетевой электронной коммуникации и, как следствие, появления научно-популярных текстов на неспециализированных площадках (социальные сети, результаты поисковых запросов) в аудиторию научно-популярных текстов стал более активно входить и первый тип читателя. Указанный фактор, вкупе с утрачивающимся авторитетом научно-популярной сферы, заставляют автора ориентироваться и на этот тип адресата.

Поскольку четвертая группа читателей периферийна (научно-популярные тексты по своей цели ориентированы на неспециалистов), в дальнейшем речь будет идти о 1–3 типах.

С большой вероятностью читатель имеет опыт обсуждения явлений, описанных в научно-популярных статьях, в бытовой (все типы читателей), образовательной (2–3 типы), научно-популярной сфере (2–3 типы) и, возможно, в сфере популяризации псевдонаучных идей (все типы читателей).

Исходя из указанных параметров описания сферы общения, обнаруживается ряд сфер, смежных с научно-популярной и/или близких ей по содержанию общения: научная, образовательная, общественно-публицистическая, сфера просвещения, бытовая сфера (сфера повседневного общения).

В научной сфере общения воспроизводится научная картина мира, которая в адаптированном виде транслируется в научно-популярную сферу. Коммуникативное ядро научной сферы в пределах одной научной дисциплины гомогенно: и автор, и адресат научной статьи, научного доклада или монографии принадлежат к научной среде, обладают в большей или меньшей степени сходными представлениями об обсуждаемом научном предмете и общей знаковой системой для обсуждения, в том числе нормативными формами изложения и обсуждения научных идей – жанрами и жанровыми комплексами научной коммуникации.

Научно-образовательная (под)сфера общения по составу участников близка научно-популярной, поскольку внутри нее в коммуникации участвуют представители двух разных социальных групп: ученые-преподаватели, носители научной картины мира, и студенты, носители наивной картины мира. Поэтому одна из целей деятельности и общения, действующая внутри этой подсферы, близка цели научно-популярной коммуникации – заместить фрагмент наивной картины мира адресата фрагментом научной картины мира. Научно-образовательная сфера институализирована и регламентирована. Это значит, что, во-первых, изменение представлений является обязанностью адресата вне зависимости от привлекательности текста (лекции, учебника и т.п.), во-вторых, поскольку образовательный процесс имеет этапы, каждый текст рассчитан на читателя, который подготовлен к восприятию текста предшествующей учебной деятельностью и коммуникацией. Система жанров образовательной сферы общения также отличаются от совокупности жанровых форм и научной, и общественно-публицистической сфер.

Общественно-публицистическая сфера общения (иногда ее называют сферой массовой коммуникации, в некоторых случаях вводят в центр или на периферию политической сферы общения) является, как и научная сфера, коммуникативным эталоном для научно-популярной сферы, но не в плане содержания, а по специфике коммуникативного канала: она предоставляет для научно-популярной сферы основную «фактуру речи» [Рождественский 1996], материальный способ существования и носитель научно-популярного текста – печатные и сетевые электронные СМИ и другие сайты. Коммуникативные каналы, массовая коммуникация и интернет определяют, во-первых, характер адресата, его «массовость», т.е. неоднородность и анонимность, а во-вторых, многие правила общения и организации текста.

Сфера просвещения наиболее близка к научно-популярной по цели и по характеристикам автора и адресата. Однако есть и отличия. Прежде всего, в содержание просветительской коммуникации входят не только научные явления, но и «иные социально значимые сведения, формирующие общую культуру человека» [Певцова, Соколов 2019]. Иными словами, задача сферы просвещения – не сделать отдельные представления человека более научными, а сформировать целостную, социально адекватную (и в этом смысле, возможно, в какой-то мере

наивную) картину мира, в которой существенную долю занимает идеологический компонент, организующий единство социума.

Бытовая (повседневная) сфера общения, пожалуй, единственная, в которую включены все люди без исключения. Она наименее регламентирована: не имеет ограничений на тематическое содержание, правила общения в ней допускают большую свободу. Однако это не значит, что таких правил нет. Более того, образцы речевого поведения в деловой и научной сфере общения оказываются противопоказаны повседневному общению: в последнем не приветствуется произвольность и эксплицитность, а спонтанность и ориентация на консигуацию уместны и даже похвальны.

Близость научно-популярной сферы каждой из описанных смежных сфер общения позволяет увидеть коммуникативную специфику автора (научная сфера для ученого, общественно-публицистическая сфера для журналиста), коммуникативные ожидания адресата (бытовая сфера), образцы стиля (общественно-публицистическая сфера) и коммуникативные аналоги при институализированном общении (сфера образования и просвещения).

Как мы уже говорили выше, основная коммуникативная коллизия возникает при столкновении двух коммуникативных сред – автора-ученого, носителя научной точки зрения, и массового адресата, характеризующегося наивным взглядом на мир.

Наличие двух коммуникативных позиций («научной» и «наивной») в научно-популярной сфере предопределяет наличие по крайней мере двух интеллектуальных, а возможно и идеологических позиций. Столкновение двух картин мира, научной и наивной, ослабляется неконтактностью коммуникации. В таком случае автор-ученый воссоздает, реконструирует «наивную» точку зрения. Однако он не может задать позицию конкретного оппонента или критика, поэтому использует приемы имплицитного представления оппонента или использования референтной неопределенности.

Рассмотрим этот прием на примере статей авторов-ученых, которые используют модус авторизации и персуазивности, настроенный чрезвычайно тонко. Напомним, что авторизация – это модусная категория, представляющая источник и способ получения (обработки) приведенной в тексте и высказывании информации, а персуазивность – степень уверенности автора в достоверности приводимой информации [Шмелева 1994: 31–33].

Для столкновения мнений авторы используют конструкцию, которая организована по следующей схеме: Источник информации 1 (неопределенный = потенциальный Адресат) – Предикат 1 со значением «чувства-мысли-речи» – Тезис1 (= наивное или неверное представление) – <Противительность> – Источник информации 2 (Автор или другой Лингвист) – Предикат 2 со значением «чувства-мысли-речи» – Тезис 2 (= научное или верное представление).

Рассмотрим следующий пример: *Многие образованные люди* (неопределенный потенциальный Адресат) *сейчас возмущаются* (Предикат «чувства-мысли-речи» 1) *обилием уменьшительных* (Тезис 1)... *А между тем* (Противительность) *лингвисты* (Лингвист) *знают* (Предикат «чувства-мысли-речи» 2), *что многие слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными* (Тезис 2) [Иомдин 2014]. Автор апеллирует к потенциальному мнению читателя, отмечая его массовость (*многие*) и интеллектуальные свойства (*образованные люди*), вкладывая в его уста мнение в сочетании с оценкой (*возмущаются*), соответствующее здравому смыслу (*сейчас в языке много уменьшительных слов*), который является опорой наивной картины мира. Затем автор противопоставляет (*а между тем*) этой условной позиции знание ученых соответствующей области науки (*лингвисты знают*) об истинном положении дел (в языке и раньше было много уменьшительных слов).

Во многих случаях позиция ученого, его авторизационный модус может быть имплицитным, ср., например: *Может показаться* (Предикат 1) *Ø₃* (неопределенный потенциальный Адресат), *что изучение и описание таких слов* (относящихся к бытовой лексике) *нетрудно и малоинтересно* (Тезис 1)... *Однако* (Противительность) <нулевая авторизация = Автор

+ Предикат 2> именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело (Тезис2) [Иомдин 2014]. Такая возможность обеспечивается стандартными значениями категорий авторизации и персуазивности, то есть значениями «по умолчанию». Т.В. Шмелева показывает, что стандартным значением авторизации является авторская информация [Шмелева 1994: 31], а стандартным значением персуазивности – уверенность автора в достоверности информации [Там же: 32]. Поэтому отсутствие показателей авторизации и персуазивности в конкретном месте текста делает помещенную справа информацию авторской и достоверной.

Потенциальным оппонентом автора-лингвиста может стать не только адресат-носитель языка, но и лингвист, придерживающийся иной точки зрения, ср., например: *Некоторые лингвисты, не связанные с историей языка и диалектологией, а также нелингвисты-носители языка* (потенциальный Адресат) *считают* (Предикат 1), *что уже давно нет никаких диалектов в виде целостной системы. Особенно популярна эта точка зрения была в 70-е годы XX века. Но <Противительность> <нулевая авторизация = Автор + Предикат 2> еще раньше, в конце XIX века, ученые били тревогу: «Чувствую, что теперь буду постоянно ездить по России: это моя задача и обязанность, в особенности, когда видишь, как гибнут особенности русских говоров» (из письма А.А. Шахматова Ф.Ф. Фортунатову, 27 июля 1895 г.). // Прошло более ста лет с момента написания письма Шахматовым, а диалектологи, выезжающие в экспедиции, продолжают изучать диалекты, сохранившиеся в условиях всеобщего образования и поголовной грамотности. Дети и внуки тех, кого записывал Шахматов, продолжают говорить диалектно* (Тезис 2) [Исаев 2016].

Таким образом, научно-популярная сфера общения обладает чертами сходства с несколькими смежными коммуникативными сферами, что говорит о ее полноценном существовании в качестве области межличностных взаимодействий. Центральной движущей силой коммуникации в этой сфере является противоположность ее основных участников: автора-ученого и адресата – носителя наивной картины мира. При этом автор-ученый, создавая научно-популярный текст, осознает основную коллизию научно-популярной коммуникации, эксплицируя в тексте научную картину мира и держа в голове наивную картину мира адресата. Однако в тех случаях, когда наивные представления о рассматриваемом фрагменте мира кажутся автору слишком распространенными или искажающими истинное положение вещей, он эксплицирует их и сталкивает с научными представлениями в виде текстовой структуры, имеющей четкую логическую и языковую организацию. Элементы этой структуры варьируют, но цель и содержание устойчивы.

Литература

- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.
- Болохова К. От музЭя до йогУрта [Электронный ресурс] // STRF. 09.09.2016. URL: <https://clck.ru/KiPSD> (дата обращения: 19.01.2017).
- Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. 376 с.
- Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности [Электронный ресурс] // Элементы. URL: <https://clck.ru/K95dK> (дата обращения: 20.01.2017).
- Бурлак С. Козволюция языка и изготовления орудий предками человека [Электронный ресурс] // Постнаука. 24.01.2015. URL: <https://postnauka.ru/faq/40519> (дата обращения: 19.01.2017).
- Вешняковская Е. Читать 2.0: компьютеры учатся добывать из текста смысл [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2014. №12. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/25308/> (дата обращения: 17.01.2017).
- Воронцова Т.А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 6 (335). С. 38–42.

- Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
- Занегина Н.Н. Наивная/языковая картина мира и способы ее описания [Электронный ресурс]. URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2914> (дата обращения: 17.08.2019)
- Иомдин Б. Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? [Электронный ресурс] // Постнаука. 16.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (дата обращения: 15.12.2016).
- Исаев И. Диалекты русского языка [Электронный ресурс] // Постнаука. 02.03.2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/60031> (дата обращения: 20.01.2017).
- Каждые 15 дней в мире погибает язык [Электронный ресурс] // Земля. Хроники жизни. 13.10.2013. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2013-10-13-52690> (дата обращения: 12.08.2019).
- Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 282 с.
- Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2011. 433 с.
- Ким И.Е., Силантьев И.В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта, 2008. 464 с.
- Лазаревич Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. М.: Книга, 1984. 384 с.
- Левонтина И. Русский национальный [Электронный ресурс] // Элементы. 06.05.2014. URL: <https://clck.ru/KiPgd> (дата обращения: 20.01.2017).
- Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1979. 25 с.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
- Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. М.: ООО «Проспект», 2019. 273 с.
- Позднякова Н.В. Метафора в научно-популярном стиле: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1995. 14 с.
- Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.
- Русский язык и санскрит два самых похожих языка в мире [Электронный ресурс] // Земля. Хроники жизни. 28.03.2014. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-28-62483> (дата обращения: 12.08.2019).
- Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М.: Высшая школа, 1984. 320 с.
- Сердобинцев Н.Я. К истории научно-популярного стиля // Вопросы стилистики. 1976. Вып. 11. С. 83–109.
- Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 210 с.
- Чернобров А.А. Научная и «наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 230–236.
- Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: URSS, 2006. 127 с.

References

- Avrorin V.A. Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki) [Issues of studying the functional aspect of language (On the question of the subject matter of sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1975, 276 p.
- Budagov R.A. Literaturnye yazyki i yazykovye stili [Literary languages and linguistic styles]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1967, 376 p.

Vorontsova T.A. Nauchno-populyarnyy diskurs v sovremennykh rossiyskikh SMI (problemy zhanra i stilya) [Popular science discourse in modern Russian mass media (issues of genre and style)]. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2014, no 6 (335), pp. 38–42.

Gvozdev A.N. Ocherki po stilistike russkogo yazyka: uchebnoe posobie [Essays on Russian stylistics: study guide]. Moscow, Prosvescheniye Publ., 1965, 408 p.

Kasevich V.B. Buddizm. Kartina mira. Yazyk [Buddhism. Worldview. Language]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004, 282 p.

Kim I.E. Soprichastnost' i kontrol' v lichnoy i sotsial'noy semanticheskikh sferakh sovremennogo russkogo yazyka [Ownership and control in the personal and social semantic areas of the modern Russian language]. Philology Dr. Diss. Krasnoyarsk, 2011. 433 p.

Kim I.E., Silantev I.V. Sfera obshcheniya i diskurs: terminologicheskaya izbytochnost' ili sushchnostnoe razlichie? [Sphere of communication and discourse: terminological redundancy or the essential difference?]. *Siberian Journal of Philology*, 2017, no 4, pp. 163–174.

Kozhina M.N. Stilistika russkogo yazyka: uchebnik [Russian stylistics: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2008. 464 p.

Lazarevich E.A. S vekom naravne. Populyarizatsiya nauki v Rossii. Kniga. Gazeta. Zhurnal [Along with the century. Popularization of the science in Russia. Book. Newspaper. Journal]. Moscow, Kniga Publ., 1984. 384 p.

Maevskiy N.N. Osobennosti nauchno-populyarnogo stilya [Peculiarities of popular science style]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov on/D., 1979. 25 p.

Odintsov V.V. Stilistika teksta [Text stylistics]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 263 p.

Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. Pravovoe prosveshchenie v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya [Legal enlightenment in Russia: status, problems and prospects for further development]. Moscow, Prospekt Publ., 2019.

Pozdnyakova N.V. Metafora v nauchno-populyarnom stile [Metaphor in popular science style]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod, 1995. 14 p.

Rozhdestvenskiy Yu.V. Obshchaya filologiya [General philology]. Moscow, Fond «Novoe tjsyacheletie» Publ., 1996. 326 p.

Senkevich M.P. Stilistika nauchnoy rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnykh proizvedeniy [Stylistics of scientific speech and literary editing of scientific works]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 320 p.

Serdobintsev N.Ya. K istorii nauchno-populyarnogo stilya [On the question of popular science style]. *Voprosy stilistiki*, issue 11, 1976, pp. 83–109.

Utkina T.I. Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse: semioticheskiy, kognitivno-kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekty [Metaphore in popular science medical discourse: semiotic, cognitive and communicative, pragmatic aspects]. Philology Cand. Diss. Perm, 2006, 210 p.

Chernobrov A.A. Nauchnaya i “naivnaya” kartiny mira: kul'turologicheskiy, leksicheskiy i tekstologicheskiy aspekty [Scientific and “naïve” worldview: cultural, lexical and textual aspects]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 2012, no 7, pp. 230–236.

Chernyavskaya V.E. Interpretatsia nauchnogo teksta [Scientific text interpretation]. Moscow, URSS Publ., 2006, 127 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ким Игорь Ефимович, д-р филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе

Институт филологии СО РАН

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

профессор кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института

Новосибирский государственный университет,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

E-mail: kim@philology.nsc.ru

Ильина Дарья Владимировна, специалист научно-организационного отдела Гуманитарного института; ассистент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института

Новосибирский государственный университет

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

E-mail: dviljina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Kim Igor Efimovich, Doctor of Philological Sciences,

Deputy Director for Science

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

Professor of the Department of General and Russian Linguistics of the Institute for the Humanities *Novosibirsk State University*

2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: kim@philology.nsc.ru

Irina Dar'ya Vladimirovna, Staff of Research Management Office of the Institute for the Humanities
Teaching Assistant of the Department of General and Russian Linguistics of the Institute for the Humanities

Novosibirsk State University

2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: dviljina@gmail.com